

Восприятие войны в современных вооруженных конфликтах

Лонгрид пленарной сессии XXIV Ясинской (Апрельской)
международной научной конференции
по проблемам развития экономики
и общества

Международная научно-практическая конференция "Новые горизонты науки о международных отношениях"

Центр комплексных европейских
и международных исследований
НИУ ВШЭ

12 апреля 2023

ЛОНГРИД ПЛЕНАРНОЙ СЕССИИ XXIV АПРЕЛЬСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ НИУ ВШЭ

Модератор:

Гласер Марина Алексеевна, доктор философских наук, профессор Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ

Участники дискуссии:

Кашников Борис Николаевич, доктор философских наук, профессор Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ

Новик Николай Николаевич, доцент Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ

Рудницкий Артем Юрьевич, профессор, доктор исторических наук, член Диссертационного совета Дипломатической академии МИД России

Грег Саймонс, доктор философских наук, доцент Института исследований России и Евразии Университета Уппсалы, Швеция

Оглавление

Доклад: «Гуманитарный терроризм и деградация войны».....	4
Доклад: «Частные военные компании как инструмент гибридных войн в современных международных отношениях».....	6
Доклад: «Военное сознание в Пакистане: кругом одни враги».....	8
Доклад: «Эволюционный путь идентичности шведской безопасности: от субъекта гуманитарного центра силы к объекту НАТО».....	10

Доклад: «Гуманитарный терроризм и деградация войны»

Докладчик: Кашников Борис Николаевич, доктор философских наук, профессор Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ

Терроризм не только становится гуманитарным, но и по определению гуманитарен, так как террористы прибегают к доказательствам необходимости и правоты своего дела на гораздо более значительном и «импульсивном» уровне, чем это характерно для войны. Если исходить из теории справедливой войны, для террористов она имеет большее значение, чем это характерно для обычных войн, где на эту сторону меньше обращают внимание (в отношении *jus ad bellum* и *jus in bello*).

Неверно трактовать войну как нечто, изолированное от террора и терроризма. Согласно Г. Гроцию, война в действительности имеет две стороны: сила и террор. Отсюда своеобразная диалектика войны: она может вестись средствами силы, значит есть возможность достичь высот в соблюдении гуманитарных норм, традиций войны и вести войну практически благородно. Но в любой момент война может перейти в другую свою ипостась и начать вестись средствами террора.

Современные трактовки террора не дают полноценных законченных определений терроризма и не приближаются к объективной оценке. Это произошло из-за превращения терроризма в практически исключительно моральное понятие (по аналогии с тоталитаризмом и фашизмом). Политология и философия войны позаимствовали элементы натуралистической части метаэтики, игнорируя другие представления о сущности морали. С точки зрения этического эмотивизма, этика - это выражение наших эмоций, следовательно, нельзя искать натуралистических оснований моральным терминам того, что является добром или злом, разновидностью которого стали террор и терроризм.

Наиболее распространенное определение терроризма - нападение на гражданских лиц в ходе вооруженного конфликта. Но здесь возникают противоречия: больше 90% погибающих в ходе современной войны это гражданские люди. В теории справедливой войны с этой проблемой справляются при помощи принципа нежелательных последствий. Однако этика современного уголовного права гласит, что

ЛОНГРИД ПЛЕНАРНОЙ СЕССИИ XXIV АПРЕЛЬСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ НИУ ВШЭ

представления о желательном и нежелательном, если мы предпринимаем какие-то действия, которые обязательно должны влечь за собой негативные последствия, не имеют значения - уголовная ответственность все равно наступает. Война в этом смысле непосредственно сближается с терроризмом и избавляется от обвинений только благодаря ссылке на нежелательность последствий.

Более того, государство часто прибегает к террору (например, сброс зажигательных бомб на Дрезден), в то время как террористы могут быть гораздо более сдержанным и лучше соблюдать принцип *jus in bello* (например, русский терроризм 19 века - целенаправленные точные убийства).

«Терроризм» - это чисто субъективное экспрессивистское понятие этики, которое начинает работать, когда мы ненавидим своего противника, не видя в нем достойного благородного врага, с которым можно и нужно договариваться, что характерно для современной войны.

Доклад: «Частные военные компании как инструмент гибридных войн в современных международных отношениях»

Новик Николай Николаевич, доцент Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ

Термин гибридной войны в современности - это война постсовременная, неформальная, синтетическая: в ней скоординированы военные, финансовые, экономические, кибер инструменты. Цель гибридной войны - достижение атмосферы беспокойства и конфликта в целевой стране. Среди основных принципов гибридных войн: стратегическое планирование, внезапность, скрытность. В современных гибридных войнах возрастает использование и регулярных воинских формирований, одним из инструментов которых являются частные военные компании (ЧВК).

В международном восприятии к ЧВК относятся неоднозначно из-за того, что сотрудники ЧВК и наемники не всегда могут быть разграничены с юридически-правовой точки зрения. Это обуславливает неоднозначность международного восприятия ЧВК, опасения политиков по поводу ЧВК и многочисленными обвинениями в сокрытии вмешательства в дела суверенных государств.

Во время войны ЧВК оказывают целый спектр военных и около военных услуг: участие в боевых действиях, разведка, стратегическое планирование, логистика, обучение и военная подготовка. ЧВК востребованы из-за более эффективного выполнения поставленных задач без оглядки на моральные нормы.

Ранее 90% ЧВК приходилось не на общественные боевые действия, а на вспомогательные действия (грязная работа, этнические чистки и т.д.). Сейчас этот вектор изменился: например, ЧВК Вагнер принимает непосредственное участие в военных действиях. Несмотря на это в РФ все еще нет закона о ЧВК. Среди основных причин его отсутствия: страх политического класса и части общества неконтролируемости количества ЧВК и границ их деятельности; страх политического класса перед возможностью использования ЧВК разными политическими силами в собственных интересах; конкурентная борьба различных ведомств за право контроля ЧВК и право быть их лицензиаром; желание некоторых политических сил сохранить ЧВК в «серой зоне». Среди действующих российских ЧВК можно выделить военные

ЛОНГРИД ПЛЕНАРНОЙ СЕССИИ XXIV АПРЕЛЬСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ НИУ ВШЭ
компаний-поставщики и компании-провайдеры; военные консалтинговые компании;
военные обеспечивающие компании.

Несмотря на неоднозначность перспектив российских ЧВК и отклонение закона о ЧВК, в теории ожидается движение к получению юридического статуса ЧВК. Огромный опыт работы ЧВК за границей говорит о необходимости легализации их деятельности на постсоветском пространстве.

Услуги ЧВК используются многими государствами в качестве универсального инструмента политического влияния и становятся альтернативным инструментом международного миротворчества. Использование ЧВК в гибридных войнах позволяет скрывать от мирового сообщества факт грубого вмешательства в государственные дела и оказывает внешнеполитическое воздействие на внутреннюю политику объекта этого воздействия.

Рудницкий Артем Юрьевич, профессор, доктор исторических наук, член Диссертационного совета Дипломатической академии МИД России

Для Пакистана война приобрела практически экзистенциальное значение с самых первых дней независимости: государство формировалось и развивалось в условиях войны, а за последние 80 лет война стала восприниматься населением как постоянная, вечная и неотъемлемая часть существования. В этом Пакистан похож с Израилем, но между ними есть существенные отличия. В случае Израиля война тормозит развитие государства и наносит ему ущерб. Если фактор внешней опасности будет ликвидирован, Израиль займёт более выгодную позицию для укрепления государства. Пакистан же при аналогичных предпосылках, наоборот, может столкнуться с усилением дезинтеграционных процессов, потому что чувство военной опасности традиционно играло и играет существенную роль в формировании пакистанской нации.

В основе оборонного сознания Пакистана лежит фактор внешней угрозы, прежде всего обусловленный конфликтом с Индией. Обе стороны несут ответственность за обострение конфликта. Но правящим элитам с обеих сторон выгодно подогревать ощущение имманентной угрозы и использовать ее для сплочения страны под своим контролем. Изначально на уровне провинций Пакистана не было единства в отношении к Индии, но на современном этапе, после трех больших войн, потери Восточного Пакистана и множества вооруженных конфликтов меньшего масштаба, убежденность во внешней угрозе переросла провинциальные рамки и стала характерна для всего общества.

Пакистан также воспринимает в качестве угрозы Афганистан (пограничные противоречия и стычки, отсутствие официальных границ, хаос внутри Афганистана как перманентная угроза, террористическая угроза внутри самого Пакистана) и Иран (официально дружественное государство, но есть противоречия из-за Афганистана). Среди соседей у Пакистана нормальные отношения только с Китаем, с которым к государства самая короткая граница.

В итоге в Пакистане сформировалось оборонное сознание, которое базируется на милитаризме, национализме, шовинизме и синдроме осажденной крепости. В этом контексте культ армии обретает особое значение. Считается, что в армии царят более справедливые порядки, чем в государстве, лучше социальные лифты, нет коррупции и

ЛОНГРИД ПЛЕНАРНОЙ СЕССИИ XXIV АПРЕЛЬСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ НИУ ВШЭ

т.д. В последние годы в Пакистане не было вооруженных переворотов, однако на государственном уровне нельзя принять ни одно важное решение без согласования с верхушкой армии. Другой составной частью оборонного сознания стал культ ядерного оружия.

Культ армии и культ ядерного оружия это две скрепы, которые, наряду с религией, объединяют пакистанское общество, хотя и ведут к замедлению экономического развития, ущемлению гражданских прав и демократии.

ЛОНГРИД ПЛЕНАРНОЙ СЕССИИ XXIV АПРЕЛЬСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ НИУ ВШЭ
Доклад: «Эволюционный путь идентичности шведской безопасности: от субъекта гуманитарного центра силы к объекту НАТО»

Грег Саймонс, доктор философских наук, доцент Института исследований России и Евразии Университета Уппсалы, Швеция

Швеция определяет свою идентичность в сфере безопасности и свое место в мире, не только осмысляя свой исторический опыт, но и учитывая культурно-идеологические тренды.

10-20 лет назад общество воспринимало Швецию как нейтральную страну социалистической ориентированности, которая не вступает в политические альянсы с другими странами. Подобный образ основывается на прошлом опыте выступления в качестве регионального центра силы, который пребывал в состоянии войны слишком долго. Швеция предпринимала активные действия для расширения империи. Однако после ряда столкновений с восходящей Российской империей (в частности Полтавская битва 1709 г.) была вынуждена пересмотреть свою позицию относительно войны. Вместо образа воинственной нации, Швеция постаралась создать новую идентичность нейтрального игрока.

На протяжении последних веков Швеция по-разному использовала свой нейтралитет. В мирное время Швеция оставалась нейтральной страной, во время войны не вступала в военные альянсы. Однако во время Второй мировой войны Швеция внезапно изменила стратегию: когда Германия одерживала победу, Швеция, хотя официально и не вступила в альянс с Германией, фактически заняла ее сторону (в частности отправляла оружие в Финляндию во время Советско-финляндской войны). В этом отношении позиция Швеции относительно своей нейтральности оказалась достаточно гибкой и используемой для сохранения своей независимости.

Швеция играла роль «старшего брата» для других скандинавских стран. Отсюда проистекает шведская исключительность в отношении безопасности. Швеция презентовала себя как страну, гуманитарная сила которой существенно выходила за рамки ее относительно маленькой территории. Подобное восприятие сохранялось вплоть до 90-х годов 19 века.

ЛОНГРИД ПЛЕНАРНОЙ СЕССИИ XXIV АПРЕЛЬСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ НИУ ВШЭ

После окончания холодной войны, становления однополярного миропорядка и вплоть до 2015 г. Швеция пыталась культивировать идею о себе как о гуманитарном центре мягкой силы как на национальном, так и на международном уровне. Однако фактически Швеция достаточно быстро двигалась от субъекта международных отношений к их объекту. Одна из причин – лоббирование НАТО идеи вступления в военный альянс из-за «российской угрозы».

Идея нейтральности Швеции практически перестала использоваться для коммуникации со шведским обществом. Основная проблема для Швеции в контексте вступления в НАТО — это не политический консенсус, а общественный консенсус, так как население продолжает придерживаться нейтральной концепции шведской идентичности. Поэтому Швеция идет другим путем: правительство объявило, что не будет референдума о вступлении в НАТО, потому что это проблема национальной безопасности.

Швеция находится перед неразрешимой дилеммой: если она хочет присоединиться к НАТО, она должна выполнить требования Турции, что станет смертельным приговором правительству, однако, с течением времени общественная поддержка идеи вступления в НАТО будет только расти.

